

Сун Цзыюй долго слушал, прокручивая в голове последние воспоминания, и сердце его заколотилось: он действительно вернулся в прошлое.

Услышав, что Ци Муцин снова собирается отправить его в психиатрическую лечебницу, он вдруг улыбнулся — мягко и естественно:

— Вы заходите слишком далеко. Это вы меня так отчитываете?

Оба человека в палате обернулись к нему.

— Ты заговорил? Ты сегодня меня напугал, — Ци Муцин смотрел на него с удивлением и радостью. Увидев изгиб его губ, он почувствовал, как напряжение отступило. У него было бесчисленное множество вопросов, но в итоге он произнес лишь это.

— Да нет, просто дома одному слишком скучно, вот и захотелось выплеснуть эмоции. Я не хотел, чтобы ты сегодня уходил, поэтому решил тебя попугать, — с деланным раскаянием сказал Сун Цзыюй. Конечно, он не просто хотел попугать его — он на самом деле жаждал придушить этого подонка. Но ради такой ничтожной дряни марать руки и идти на дно он не собирался.

— Вы же учитель, как можно вести себя так незрело? Пугать людей — это совсем не дело. Вы видели, как перепугался маленький Ци? — Доктор Хуан не знал, что и сказать, но, помня о том, что перед ним пациент, не стал сильно давить.

— Доктор Хуан, не надо, это всё моя вина. Я забыл, что учителю Суну скучно одному дома, — Ци Муцин не выносил, когда при нем ругали Сун Цзыюя. К тому же он действительно не подумал о том, каково учителю сидеть в четырех стенах.

— Ну посмотрите, учитель Сун, какой у вас замечательный ученик: защищает вас так яростно, даже слова сказать нельзя. Ладно, больше так не делайте, не доводите до больницы, — доктор Хуан, лечащий врач Сун Цзыюя, был прекрасно осведомлен о его ситуации, поэтому высказался сдержанно, но твердо.

Сун Цзыюй наблюдал за ними холодным взглядом. Ци Муцин был одет в белую рубашку, его лицо выглядело чистым и невинным, а выражение искренности вызывало у окружающих невольную симпатию.

Именно так он всегда и поступал: перед посторонними притворялся простодушным и благодарным. С тех пор как с ним случилась беда, все вокруг только и хвалили его. Наверное, именно этим обликом он и обманул его, заставив уступить ему свою работу.

Сун Цзыюй понимал: всё, что происходит, — правда, а не сон. Как бы абсурдно это ни звучало, он действительно вернулся на двенадцать лет назад, в тот самый год, когда попал в аварию.

Выйдя из больницы, Сун Цзыюй примостился на спине у Ци Муцина. Он поднял голову, рассматривая старый уездный городок и прохожих, снующих туда-сюда, и чувствовал, как внутри разливается спокойствие.

Он никогда не думал, что ему выпадет такой шанс. Что делать, начав всё сначала? Сун Цзыюй не знал. Даже окружающая обстановка казалась ему нереальной, но он не чувствовал растерянности. Он смотрел на макушку человека, который нес его на себе, и его взгляд становился всё более безмятежным.

Три месяца назад он только-только передал свою работу Ци Муцину, который тогда был еще деревенским парнем, только-только выбравшимся из своей глуши.

— Учитель Сун, что вы хотите съесть сегодня? — Ци Муцин, не видя выражения лица человека у себя за спиной, пытался завязать разговор.

— Учитель Сун? — повторил он, не дождавшись ответа.

— Что угодно, — равнодушно отозвался Сун Цзыюй.

— Тогда, может, сварим костный бульон и сделаем лапшу? — Ци Муцин направился к лавке мясника, попутно размышляя, не купить ли еще пирожных из маша: они сладкие, учитель Сун такое любит.

Мясник знал Ци Муцина и, увидев его, привычно связал кости, только что обглоданные с туши:

— Снова за костями? Только что разделали.

— Спасибо. Четыре мао, верно? — Ци Муцин присмотрелся: кости сегодня были особенно крупными, целых три штуки, хватит на два приема пищи.

— Ладно, ну и дотошный же ты, — мясник щедро протянул большие кости Сун Цзыюю, который был с пустыми руками.

— Учитель Сун, вы не могли бы пока заплатить? — Ци Муцин держал деньги в кармане, а руки его были заняты — он нес человека, так что лезть в карман было неудобно.

— У меня нет денег. Купи еще два цзиня ребрышек и полцзиня свиной печени, — Сун Цзыюй, услышав просьбу Ци Муцина, мысленно усмехнулся, но внешне никак не проявил своих чувств.

— Можешь сначала спустить меня, — добавил он, заставляя его поставить себя на землю, чтобы у того не было повода не платить самому.

— О, тогда осторожнее, — Ци Муцин не стал долго раздумывать, медленно наклонился, поставил его на землю и лишь тогда достал из кармана два юаня.

— Тогда возьми еще цзинь ребрышек и полцзиня печени. Нас всего двое, много еды наберем — испортится, — пояснил он, передавая деньги мяснику.

— Два здоровых мужика, какие там два цзиня ребрышек — это много? Ты просто скряга, не такой щедрый, как этот парень, — мясник, разрубая мясо, подшучивал над Ци Муцином. В те времена мало кто ел мясо каждый день, так что Ци Муцин был для него постоянным клиентом.

Этот парень обычно покупал только кости, мясо брал редко и не более полуцзиня, свиные копыта — только по одному. Сегодня он увидел, что человек у него на спине опирается на палку, видимо, для него старается — поправляет здоровье. Видя такую щедрость по отношению к спутнику, мясник бросил на них еще один взгляд.

Сун Цзыюй промолчал. Пусть сегодня купили чуть больше мяса, Ци Муцин в душе наверняка кусает локти от жадности. Хорошо хоть знает, что без вложений прибыли не будет, вот и играет роль на публике.

Ци Муцин снова взвалил Сун Цзыюя на спину, и по пути они зашли в магазин купить фунт пирожных из маша. Сун Цзыюй поджал губы и прищурился.

Неужели кто-то в прошлом знал о его маленьких слабостях? И этот человек — Ци Муцин?

Прошло больше десяти лет, и он давно забыл, какими были их отношения в самом начале. Но для него, нынешнего, они были знакомы всего два с небольшим года, особенно если считать время после выписки. Взгляд Сун Цзыюя затуманился, а затем вновь стал спокойным.

Если бы не то, что произошло позже, то, глядя на их общение в этот период, даже он сам — не говоря уже о посторонних — счел бы Ци Муцина надежным человеком.

Даже он сам в молодости был настолько наивен, что верил в искреннюю любовь, хотя на самом деле был для этого человека лишь временным выходом из безвыходной ситуации, калеккой, которого можно выбросить, как только он станет бесполезным.

Теперь, оглядываясь назад, Сун Цзыюй видел в нем лишь мастера маскировки. Или, возможно, в то время у него еще оставалась совесть, а потом человеческое сердце изменилось. Но это уже не имело значения.

— Тебе еще что-нибудь нужно? — мягко спросил Ци Муцин, заметив, что Сун Цзыюй витает в

облаках. Он осознал, что раньше вел себя неправильно: нельзя было игнорировать учителя только потому, что тот был снисходителен к нему. Раз сегодня он сам попросил ребрышек, значит, совсем изголодался.

— Купи еще полцзиня молочных конфет и пачку печенья. Ты в последнее время замотался, съешь чего-нибудь вкусного, — печенье и конфеты в то время стоили дорого и не были предметами первой необходимости. Сун Цзыюй прикинул, сколько денег у того осталось, и попросил именно это.

Ци Муцин, конечно, пожалел денег, но всё же заплатил. Шесть юаней и восемь мао, которые он взял с собой, ушли полностью — а ведь это были их деньги на еду на всю неделю.

На этот раз Сун Цзыюй сам взял пакеты, и это принесло ему небольшое удовлетворение. Что в молодости, что потом — жадность Ци Муцина к деньгам не изменилась. Человек, способный продать себя и свою совесть ради выгоды. Сун Цзыюй едва заметно усмехнулся.

Увидев его улыбку, Ци Муцин вдруг почувствовал холод по спине, а затем выдохнул: наверное, это утренний инцидент оставил след. Разве учитель Сун не всегда такой? Улыбается он красиво, у него просто характер как у ребенка — радуется, когда покупают любимые сладости.

Ци Муцин тоже улыбнулся. Его чистое, мужественное лицо в этот момент приобрело простодушное выражение.

Глупый, так легко обмануть. В голове Сун Цзыюя внезапно мелькнула эта мысль. Его лицо тут же стало бесстрастным, а взгляд потемнел. Все, кто велся на его внешность, были идиотами. Он сам был идиотом полжизни и получил достаточно уроков. Одного раза хватит.

— Пойдем домой.

Ци Муцин, увидев, что тот внезапно помрачнел, растерялся, но послушно взвалил его на спину. В душе у него поселилось легкое разочарование: каждый раз, когда он радостно улыбался, Сун Цзыюй трепал его по голове и в шутку называл глупым.

Вернувшись домой, они были еще рано. Сун Цзыюй сидел на кровати, внимательно осматривая свою маленькую комнатку, а затем лег, чувствуя, как воспоминания прошлой и нынешней жизни переплетаются.

За окном щебетали птицы, в комнате слышалось бульканье бульона на плите, а в воздухе витал аромат костей.

Двадцать семь лет спокойствия в этой жизни и двенадцать лет отчаяния в прошлой, казалось, нашли точку равновесия. Он больше не хотел просто так прикончить Ци Муцина. Он хотел видеть, как тот теряет всё, что ему дорого, как всё, что он планировал, ускользает у него из

рук. Хотя в этой жизни всё немного иначе, но кого это волнует?

За занавеской послышался шорох. Сун Цзыюй знал, что Ци Муцин снова пересчитывает свои гроши. Раньше из уважения он никогда не вмешивался, а тот лицемерно обещал отдать все деньги ему. Сун Цзыюй рывком отдернул занавеску.

— Что случилось? — Ци Муцин, который лежал на диване, подсчитывая, сколько еще удастся отложить — он хотел каждый месяц добавлять по десять юаней на питание Сун Цзыюя, — вздрогнул от неожиданности.

— Что такое? В туалет нужно? — Обычно, если не считать того, что идти в туалет на улице было неудобно, Сун Цзыюй справлялся сам. Ци Муцин несколько раз предлагал помочь, но получал отказ, и боялся, что тот начнет накручивать себя.

Сун Цзыюй проигнорировал его неуклюжую попытку сменить тему:

— К чему такая скрытность? Боишься, что я заберу твои деньги?

Ци Муцин снова улыбнулся.

Сун Цзыюя от этой улыбки уже тошнило. Он знал, что сейчас тот скажет: мы же семья, мое — значит твое.

— Мои деньги — это твои деньги, — тихо проговорил Ци Муцин, глядя на него. Сун Цзыюй сохранял ледяное выражение лица, и Ци Муцин не мог понять, что у того на уме.

Но он знал: учитель Сун болен. Хотя тот и сказал доктору Хуану, что это была шутка, Ци Муцин не был дураком. Сразу после больницы учитель перестал быть таким мягким, каким был при враче. Он понимал, что у учителя действительно проблемы с психикой — возможно, раньше он умел скрывать это, а теперь всё вырвалось наружу.

В их деревне был один старый холостяк, неопрятный, вечно угрюмый, с ужасным характером, чуть что — всё крушил и ругался. Говорили, что раньше он был хорошим парнем, но во время работы сломал ногу, стал полупарализованным и вот так опустился.

Сун Цзыюй смотрел на полуоткрытую крышку железной коробки, зная, что там все сбережения Ци Муцина.

— Может, отдашь их мне на хранение? Будешь пересчитывать, когда станет скучно. Денег немного, но я в будущем буду зарабатывать много, — осторожно предложил Ци Муцин.

В конце концов, всякий раз, когда ученики его выводили или он уставал, он пересчитывал

деньги в коробке, и силы возвращались. Учителю Суну дома заняться нечем, может, это поможет. Ци Муцин не питал больших надежд — такой человек, как учитель Сун, вряд ли будет таким же никчемным, как он.

— Хорошо, отдай мне на хранение. Ты ничего не припрятал? — Сун Цзыюй протянул руку, глядя на озадаченное лицо Ци Муцина с полуулыбкой. Тот думал, что он откажется?

— Нет, нет, — Ци Муцин замер, а затем протянул коробку.

Сун Цзыюй открыл крышку. Внутри лежали мелкие купюры: одна десятка, остальные — по юаню, и отдельно стопка — ровно двадцать девять юаней. На глазах у Ци Муцина он пересчитал всё: сто восемьдесят один юань.

Ци Муцин украдкой наблюдал за ним. Когда Сун Цзыюй считал деньги, в его глазах, казалось, промелькнули какие-то чувства — не то чтобы радость, но определенно не плохое настроение. Оказывается, учитель Сун такой же, как он. Ци Муцин не знал почему, но настроение его вдруг улучшилось, и он побежал к плите проверить бульон.

Сун Цзыюй не знал, о чем думает Ци Муцин. Как только тот ушел, он небрежно бросил деньги обратно в коробку. Денег было немало, но Ци Муцин жалел даже на мясо для него.

Так было и раньше. Он всегда красиво говорил, но когда доходило до дела, у него всегда находились причины. Его тошнило от мужчин, но ради работы он ложился с ним в одну постель. Хотя они напивались и ничего не происходило, потом он всё равно отдавал ему свою работу.

В этой жизни он снова отказал ему, и тот, не напившись до беспамятства, всё равно нашел в себе силы расплатиться своим телом. Сун Цзыюй со злорадством подумал: интересно, как каждый раз после того, как он получал удовольствие, тот терпел отвращение и притворялся довольным?

Сун Цзыюй отчетливо помнил, как в прошлой жизни, когда они разругались, Ци Муцин сказал, что каждый раз, находясь с ним в одной комнате, чувствовал, как воздух вокруг пропитывается вонью.

Поэтому за десять с лишним лет, кроме того единственного раза с алкоголем, между ними не было близости. Поначалу Ци Муцин всегда говорил, что беспокоится о его ноге, и действительно, он всегда был рядом, других близких людей у него не было, и он даже не подозревал о его истинных намерениях.

Позже ему ампутировали ногу, состояние здоровья ухудшилось, и он еще больше не хотел, чтобы кто-то видел его уродливое тело.

Вспоминая пустую штанину из прошлой жизни, Сун Цзыюй потрогал свою правую ногу, которая всё еще была на месте.

Ци Муцин накрыл на стол и, когда подошел, чтобы поднять Сун Цзыюя, увидел, что тот с тревожным выражением лица смотрит на свою правую ногу. Он решил, что сегодняшний срыв был связан именно с ней. Он сел на край кровати и прижал руку Сун Цзыюя к своей щеке.

— Я согрею её. Скоро накопим денег и поедем в провинцию лечиться. В областном центре хорошие врачи, они обязательно помогут, — Ци Муцин сдерживал тоску, улыбаясь.

Сун Цзыюй, услышав про провинцию, взглянул на него и выдернул руку.

Раньше это было его любимым жестом — дразнить Ци Муцина, притворяясь, что у него холодные руки. Тот, казалось, верил. Сун Цзыюй пристально смотрел на него, пытаясь разглядеть хоть тень фальши, но актерская игра того была безупречна.

— Иди ешь.

Ци Муцин привычно перенес его на диван. На столе стояли купленные ребрышки и лапша в бульоне.

Во время еды Сун Цзыюй заметил, что Ци Муцин не притрагивается к ребрышкам, а ест только пустую лапшу. В его воспоминаниях таких сцен было много: он всегда сам клал ему мясо, и только тогда тот начинал его есть. Сун Цзыюй отвел взгляд, погрузившись в раздумья.

Изначально он собирался вернуться на работу сам. В прошлой жизни Ци Муцин занял его место и уже через полгода перевелся в провинцию. Тогда он объяснил это тем, что помог кому-то, и в знак благодарности тот помог ему с переводом.

В то время у него было подавленное состояние, он почти не общался с внешним миром, а Ци Муцин не был с ним так внимателен, как сейчас. Они жили в одной комнате, но почти не разговаривали, так что он верил всему, что тот говорил.

Но в этой жизни их отношения, казалось, были неплохими. Ци Муцин рассказывал ему обо всем, чтобы порадовать: какой ученик на уроке напроказничал, кого он встретил, когда рисовал. Он мог болтать часами.

Кстати, в прошлой жизни он, кажется, не рисовал. Сун Цзыюй пытался вспомнить, но время стерло детали. Может, нынешний Ци Муцин лжет, и деньги он зарабатывает не рисованием?

В конце концов, денег у него было немало, а в этом маленьком уездном городке человек без специального образования вряд ли мог заработать рисованием такие суммы. Возможно, в прошлой жизни он скрывал источник своего дохода и не рассказывал об этом.

Ситуация Сун Цзыюя напоминала притчу о человеке, который подозревал соседа в краже топора: из-за глубоких ран прошлого или стертых воспоминаний он словно разделился на две личности. Он знал о злобе Ци Муцина, поэтому все его поступки подсознательно трактовал в соответствии со своим знанием о его гнилой сущности.

Сун Цзыюй вздохнул. Прежде всего, нужно вылечить ногу. Через два года она начнет отмирать, и её ампутируют, так что вопрос с деньгами — самый срочный.

Он вспомнил: в прошлой жизни он лучше всего разбирался в изготовлении лекарств. В университете изучал биологию, был талантлив в экспериментах, а еще в старом доме были полки с книгами по традиционной китайской медицине. Когда он был заперт в темноте в одиноком доме на искалеченных ногах, это было его единственной радостью.

Его двигателем было желание уничтожить тех, кто прыгал вокруг него. Под предлогом учебы он выпрашивал у этих лицемеров множество лекарственных трав.

У него не было денег, не было свободы, за ним присматривала нянька, нанятая Ци Муцином, и даже в глазах окружающих он был психом.

Но он почти смог покончить с ними всеми, используя свои драгоценные яды. Уникальный шанс — они собрались вместе, но в последний раз полицейский знакомый Ци Чжао пришел к нему за данными, и их обнаружили служебные собаки.

Он был психом, так что с него было взятки гладки. Но его самого, из-за тех препаратов, полиция взяла под особый надзор как особо опасного преступника. В итоге он умер от болезни, в расцвете лет.

Его отравы, конечно, были великолепны — бесшумная и мгновенная. Но кому она нужна? Впрочем, он скучал по своим «сокровищам», хотя чувство, что за тобой постоянно следят, было отвратительным. Сун Цзыюй тихо вздохнул: неужели он дойдет до того, что будет делать пестициды?

— Ешь побольше, — Ци Муцин увидел, что Сун Цзыюй снова помрачнел, и положил ему в миску кусок ребрышка.

— Знаешь, я, кажется, вспомнил. Кажется, я знаком с владельцем той белой машины.

Ци Муцин замер с палочками в руках, а затем отложил их:

— Ты знаком? У вас вражда? — он нахмурился. Он никак не ожидал, что Сун Цзыюй знаком с водителем. Какая же должна быть ненависть, чтобы тот бросил его умирать на дороге?

— Одноклассник по старшей школе по фамилии Сяо. Пользуясь богатством семьи, он творил что хотел.

Сун Цзыюй намеренно подчеркнул, что тот был богат. В прошлой жизни он узнал, что это был Сяо Фан, слишком поздно. Он хотел подать в суд, но Ци Муцин уговаривал его не делать этого: мол, у того деньги и власть, а его зарплата кормит их обоих, терять её нельзя.

Тогда Ци Муцин еще играл роль честного и простодушного парня. Он не много говорил, но бегал туда-сюда, занимаясь его делами, а из-за того, что нога всё сильнее гнила, он сам не мог ни о чем думать.

После того как он впал в глубокую кому и очнулся уже без ноги, холодная комната и равнодушие Ци Муцина вывели его из себя. Он не хотел быть таким, но, глядя на уставшее лицо Ци Муцина, иногда чувствовал вину.

<http://bllate.org/book/21591/2225492>